

“Эбьюз нерушимый...”

Ирина МЕДВЕДЕВА,
Татьяна ШИШОВА

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ:

распространение эбьюза на Западе;
сексуальное насилие над детьми;
эдипов комплекс;
кровосмесительные связи;
половое просвещение российских детей;
сокровенные темы для российского менталитета.

В последнее время интригующее слово “эбьюз” преследовало нас повсюду. На психологическом семинаре, проводимом американской специалисткой, — эбьюз, на “круглых столах”, посвящённых самым актуальным проблемам современности, — тоже эбьюз, на Всемирном психиатрическом конгрессе в Гамбурге — эбьюз, эбьюз и ещё раз эбьюз (в том числе кукольный). Позже мы побывали на фестивале детских театров в Минске. Погода была прекрасная, встретили нас как дорогих гостей, привезли в самую лучшую гостиницу. Но стоило взять в руки программу фестиваля и пробежать глазами аннотации к спектаклям, как нас охватило чувство унылой обречённости. И здесь! Опять... Впору запеть “Эбьюз нерушимый...”. Тем более что наш государственный гимн пока ещё бессловесный.

Но мы, кажется, увлеклись. А ведь наверняка множество людей ещё не знают, что такое эбьюз. Хотя пора. Как-никак наиважнейшая проблема цивилизованного мира. Так вот, “эбьюз” (abuse) в переводе с английского означает “оскорбление, плохое, неправильное обращение, злоупотребление”. В широком смысле слова. Но профессионалы в области человеческих отношений — психологи, социологи, психотерапевты, педагоги — несколько этот смысл сузили. Говоря “эбьюз”, они обычно подразумевают дурное обращение с детьми. И прежде всего сексуальное насилие. Только не думайте, что речь идёт о каких-то маньяках. Нет, имеются в виду самые обыкновенные люди. Чаще всего родственники: отец, мать, отчим, брат (по-русски в доцивилизованную эпоху это называлось кровосмешением).

Ширма кукольного театра. На ширме — детская кроватка. И огромные взрослые руки, которые тянутся к куколке, лежащей на этой кроватке. Они шарят по одеялу, ища крохотное тряпичное тельце. Это отчим пришёл в детскую спальню надругаться над падчерицей. Культурно говоря, совершить эбьюз. Участникам конгресса, не знающим немецкого языка, перед спектаклем заботливо раздали аннотации на английском. Содержание, впрочем, в переводе не нуждалось: всё и так было понятно. Зато без аннотации мы бы не поняли одной очень важной (если не самой важной) детали! Этот спектакль показывают немецким детям начиная с девяти лет. Не только потерпевшим — всем.

В Минске мы видели другой спектакль другого немецкого театра — не кукольного, а драматического. Тема, как вы догадываетесь, была всё та же. Только не отчим, а отец; и девочка не малолетняя, а подросток. И сцены эбьюза не показывались, а обсуждались. Последнее обстоятельство чрезвычайно утешало, поскольку спектакль “Первая любовь, или То, что мне не принадлежит” шёл без перевода, и дети, которыми был битком набит Минский ТЮЗ, реагировали в основном на рок-зонги.

А вот телевидение с задачей перевода справилось прекрасно. Американский фильм “Кое-что об Амелии” начинался вечером, в четверть девятого. Поэтому не только взрослые, но и дети смогли приобщиться к столь актуальной для их возраста теме, как сожительство девочки с папой.

Но, пожалуй, пора вмешаться нашему любимому “лирическому герою” — либералу

или, выражаясь патриотично, свободомыслу:

— Нашли повод для иронии! Тема-то действительно актуальна. И для нас ничуть не меньше, чем для Запада...

Засим следуют аргументы. Телефон доверия... Детская комната милиции... Центр охраны семьи... Знакомый знакомых, — то ли наркоман, то ли алкоголик...

Аргументов, прямо скажем, негусто. Когда интересуешься статистикой, то есть сколько детей звонили за месяц или за год с жалобами на сексуальные посягательства родственника, ответом служит презрительное пожатие плеч. Дескать, тут такое, а ты, канцелярская крыса, о цифрах! Кто ж считал? Когда замечаешь, что в подобные службы обращаются именно и только потерпевшие, и у работников этих служб нередко создаётся искажённое представление о действительности, всё равно как иному врачу-венерологу кажется, что все поголовно больны сифилисом, а прокурору — что кругом одни преступники (в лучшем случае потенциальные)... Это замечание воспринимается как неуместный юмор.

А уж не дай Бог сказать, что такое встречается в определённой среде, в маргинальных слоях общества! Ну, это вообще... Специалисты воспринимают подобный текст как кровное оскорбление: кто посмел посягнуть на священный принцип: “Наши паралитики — самые прогрессивные”?!

Да обращаются-то единицы, — слышишь в ответ, — а реально потерпевших в тысячу раз больше. Просто народ у нас дремучий, замшелый и понятия не имеет, что с эбьюзом надо немедленно идти к специалисту.

Когда это слышишь, всегда хочется спросить (но не всегда спрашиваешь, чтобы не показаться занудой):

— А откуда вы, собственно, знаете, что потерпевших тысячи, если обращаются единицы?

Да, конечно, бывают случаи, когда официальная статистика говорит одно, но даже слепой видит совсем другое. Например, слышишь по радио, что на митинг оппозиции пришла жалкая кучка люмпенизированных, а выглядываешь в окно — на улице огромная толпа. Ну а уж о прежних временах можно не рассказывать. Каждый сам знает.

Спальня, конечно, не улица. И всё же... Должно хоть что-то намекать на такой махровый порок? Тем более что дети не такие уж великие актеры и изошрённые притворщики. Взрослые люди — и те далеко не всегда умеют скрыть интимные отношения, и тайное становится явным куда чаще, чем им бы хотелось.

Если придерживаться логики нашего оппонента, можно приписать “дремучему, замшелому народу” и другие пороки. Например, массовое людоедство. Бывает? Бывает. Не все обращаются к специалистам? Отнюдь. (Да и куда обратиться поглощённой жертве? Разве что к небесным заступникам...)

Так вот, возвращаясь к эбьюзу. Всерьёз говорить об актуальности этой темы имело бы смысл в том случае, если мы и все читатели этой статьи, проходя в каждый третий или четвертый дом, ощущали бы “запах жареного” или привкус “клубнички”, которые, мы повторяем, по-настоящему скрыть невозможно. Тем более когда речь идёт о таких страшных цифрах, как 25–30 процентов (а именно эти цифры фигурируют в докладах иностранных специалистов о распространении эбьюза на Западе). Тут уж скрывай не скрывай, а ослиные уши всё равно вылезут. Как с преступностью. Даже если бы сейчас все газеты и телеканалы в один голос приняли уверять публику, что кривая преступности резко пошла вниз, никто бы в это не поверил, поскольку каждый без труда вспомнил бы ограбленного друга, избитого приятеля, а также знакомого, у которого угнали машину.

Аналог такой ситуации мы видим практически во всём, что касается темы эбьюза на Западе. Например, в кукольном спектакле “Секрет”, о котором мы уже упоминали, о страшном секрете девочки догадывается подруга её матери, взрослая женщина, у которой в детстве было то же самое. В фильме “Кое-что об Амелии” учительница, которой девочка сообщает о своей двухлетней связи с отцом, не хватается за голову, не выражает изумления и ужаса, как бывает, когда узнают нечто из ряда вон выходящее, а деловито, оперативно звонит по хорошо известному ей телефону — в специальную полицейскую службу,

которая изолирует таких детей от родителей. А в приюте девочка на свой вопрос: “Такие, как я, к вам когда-нибудь попадали?” — незамедлительно получает ответ, что это не тема для беспокойства, поскольку таких детей сколько угодно и поступают они сюда регулярно. Примечательно, что утешена не только жертва. Пылкий отец на приёме у психотерапевта, специализирующегося на эбьюзах (следовательно, даже в небольшом американском городке, показанном в фильме, есть постоянный контингент “эбьюзников”, что подтверждается оптимистическим финалом фильма), так вот, папашка-соблазнитель узнаёт, что это дело житейское, с кем не бывает и всё ещё можно наладить, если довериться хорошему профессионалу.

Ну, тут легко возразить, что искусство любит сгущать и гиперболизировать явления жизни. В данном случае, похоже, и в жизни всё обстоит достаточно круто. Из доклада одной немецкой специалистки мы узнали: проведённое недавно скрытое анкетирование студенток Гамбургского университета показало, что 25 процентов опрошенных в детстве подвергались сексуальному эбьюзу. Американская статистика, по некоторым данным, ещё внушительнее: в биографии каждой третьей молодой женщины сегодня фигурирует пережитый в детстве эбьюз. Во время нашей летней поездки в Германию стоило нам в беседах с обычными людьми (а не специалистами по эбьюзам!) выразить сомнение в такой чудовищной распространённости подобного “негатива”, как наши собеседники спешили эти сомнения развеять и приводили совершенно конкретные факты из жизни своих друзей и знакомых.

В этой связи очень интересна и показательна реакция наших граждан. Тоже обыкновенных, не специалистов. Когда заговариваешь с ними про сожительство родителей и детей, про то, что на Западе это актуальная проблема и касается она всех слоёв общества, видишь на лицах вовсе не ханжеское смущение и не смятение людей, которых подловили на тайном грехе, а искреннюю оторопь.

Собеседники явно не сразу “врубаются”, словно мы им рассказываем про дикие обычаи племени мумбо-юмбо. А когда понимают, то какое-то время не верят. Спрашивают: “Вы не шутите?”, или “Разве такое может быть?”, или “Вот уж действительно — у каждого свои проблемы!”

На конгрессе в Гамбурге было специальное секционное заседание, посвящённое проблемам эбьюза. Причём ведущая, профессор из США, с самого начала заявила, что уважаемые коллеги собрались не для обсуждения каких-то частных вопросов, а для серьёзного разговора о причинах столь печального факта современной жизни. Услышав такое вступление, мы переглянулись: “Наконец-то!” Мы уже знали и про пугающую статистику, и про широко развернутую психотерапевтическую работу в этом направлении, и про классификации, и про “технические” подробности. Наконец поставлен главный вопрос: почему?

Но то, что прозвучало дальше, носило откровенно фарсовый характер. Все принялись дружно обсуждать... ускорение ритма жизни, непомерное давление общества на волю индивида, тяжёлые нагрузки, обилие информации, а также стрессовые состояния, порождённые слишком большим выбором в развитом западном обществе.

Из вежливости мы рассмеялись потом, за дверью, но, прежде чем покинуть благородное собрание, задали вопрос: не кажется ли уважаемым коллегам, что причины эбьюза как распространяющегося социального явления нужно искать в смещении и размывании моральных норм? Может быть, это естественное следствие сексуальной революции?

На повернувшихся к нам лицах отразилось полное недоумение. Но затем ведущая, вероятно, что-то сообразила и дипломатично ответила, что да, может быть, и этот фактор имеет место, но он вовсе не определяющий, сексуальная революция свершилась неведь когда, в 60-е годы, а сейчас самое главное — ускорение, давление, нагрузки... В общем, смотри выше.

Потом, правда, к нам подошёл молодой немецкий психолог и сказал, что его очень заинтересовала наша “нетривиальная гипотеза”. И попросил пояснить. Мы начали говорить в общем-то обычные вещи, которые у множества наших соотечественников не вызывают

ни вопросов, ни возражений: что сексуальная революция, включающая школьное просвещение детей, снимает барьер между поколениями, а поскольку чаще всего в просвещении участвуют наряду со школой и родители, то незаметно, исподволь, разрушается и барьер инцестуальный. Собственно, что мешает от совместного изучения теории перейти к практике? Почему читать, смотреть, пояснять, показывать, шутить, обсуждать можно, а делать нельзя? Ведь, рассуждая логически, кто лучше преподаст девочке “науку страсти нежной”, чем её отец? Взрослый, опытный, знающий и любящий своего ребёнка, как никто другой? Идеальный наставник! Помешать этому могли бы жёсткие моральные нормы, а они-то как раз и были расшатаны сексуальной революцией. Благомыслы-шестидесятники, которые из лучших побуждений просвещали своих детей, дальше теории не шли, ибо сами воспитывались ещё достаточно патриархально. Их же дети, нынешние родители, сформировались в другую эпоху, которую часто так и называют: “эпоха стирания граней”. А ученики, как известно, должны превзойти своих учителей. Поэтому ведущая, сказав, что сексуальная революция была уже давно, вовсе не опровергла наш тезис, а косвенно его подтвердила. За это время и успело подрасти “постсексуальное” поколение.

Мы готовы были порассуждать ещё и про запретный плод, который обязательно должен быть запретным, чтобы оставаться сладким, а иначе — так уж устроен человек! — неизбежны поиски новых запретных сладостей. Ведь эта тенденция прослеживается так отчётливо! Разнополая “свободная” любовь перестала быть запретной — появилась тяга к однополой, однополая стала признаваться нормой — стали множиться кровосмесительные связи. Что на очереди? Скотоложство? Некрофилия? В несколько поредевшем списке сексопатологических проявлений есть ещё кое-что на десерт. Не очень ясно, правда, что произойдёт, когда меню будет исчерпано.

Могли бы мы сказать и о таком явлении, как инфантилизация современного западного общества, которая тоже, как нам кажется, тесно связана с сексуальной революцией. И о властвующей в этом обществе игровой стихии...

Но, взглянув на нашего собеседника, умолкли. Его остекленелые глаза напоминали глаза рыбы, оглушённой динамитом. Да он и сам честно признался, что ему трудно переварить такое количество новой информации. В нашем отечестве этот разговор пока ещё не лишён смысла. Общество здесь всё-таки очень традиционное, гораздо более традиционное, чем кажется нам изнутри. И многие иностранцы это замечают. Например, Себастьян Джоб, австралийский социолог из Сиднейского университета, проживший в Москве (в нашем-то Вавилоне!) три года, сказал нам перед отъездом: “Вам кажется, что у вас в стране происходят стремительные перемены, потому что вы имеете возможность сравнить сегодняшнюю жизнь с той, которая была десять, двадцать лет назад. Я могу сравнивать только то, что я увидел здесь и сейчас, с тем, что я вижу у себя в Австралии и в европейских странах. Русский жизненный уклад чрезвычайно патриархален, своеобразен и устойчив. И я вам желаю, чтобы вы смогли это сохранить”.

Хочется заметить, что, говоря о традиционном, патриархальном обществе, ни наш друг-социолог, ни тем более мы сами не рисуем в своём воображении каких-то лубочных картинок. Свершившаяся на Западе сексуальная революция, безусловно, не могла не повлиять на нашу реальность. Но традиция смягчила, амортизировала это, просеяла сквозь сито культуры и оставила в общественном сознании наиболее, что ли, человеческие завоевания сексуальной революции: девушка уже не чувствует себя ущербной, если не сохранила невинность до замужества, окружающие вполне терпимо относятся к гражданским бракам, исчезло понятие “незаконнорождённый” (интересно, что во многих более “продвинутых” странах оно осталось, и в этом легко убедиться, почитав современную литературу).

— Вы просто отстали на двадцать лет, — говорят жители Запада, снисходительно улыбаясь, ибо помнят, что надо быть терпимыми к чужим слабостям и заблуждениям. — И у нас всё было точно так же. Люди сопротивлялись, они далеко не сразу поняли, что сексуальная просвещённость — это

свобода. А свобода — главный приоритет человека, живущего в демократическом обществе. Вы ведь совсем недавно перестали быть тоталитарным государством, всё ещё будет в порядке.

Что ж, мы и в этом смысле живём сейчас в уникальную эпоху — в эпоху, когда не только в фантастических фильмах Спилберга можно наблюдать так называемую параллельность времён. Особенно отчётливо это было видно в Минске, на фестивале детских театров. И неудивительно, ведь искусство — своеобразный концентрат. То, что в жизни может быть размыто, расплыено, здесь сконденсировано, как влага в туче.

Короче говоря, в Минске мы одновременно увидели два витка сексуальной революции. Второй был представлен, разумеется, теми, кто опередил нас на двадцать лет, — немецким театром, а первый... первый показали хозяева фестиваля — Минский ТЮЗ. Хотя нельзя сказать, что это была полностью самостоятельная работа. Пьеса была немецкая, режиссёр тоже — Х. Флаххубер. Спектакль назывался интригующе: “Про это не говорят”.

В первых рядах сидели мальчики и девочки от шести до восьми. Сзади располагались взрослые — педагоги и родители. Была приглашена и молодёжь — студенты педагогического института. Да, ещё, пожалуй, важно добавить, что это была пьеса-игра. Почему важно — скоро поймёте.

Представление началось с того, что перед самым носом у детишек (сцены не было, и это тоже явно входило в режиссёрский замысел) появились тётя, одетая дядей, и дядя, одетый тётей. В весёлой тюзовской манере ряженые задали детям вопрос, к какому полу каждый из них на самом деле принадлежит. Дети, несмотря на маскарад, угадали правильно. Тогда последовал другой вопрос: а как, собственно, определить, кто мужчина, а кто женщина? Дети, ещё не понимая, к чему клонят актёры, наперебой закричали: “Парик пускай снимет!”, “Усы надо отклеить!” и т. п. Характерно, что ни один ответ (а их было достаточно много) не вышел за рамки приличий, не нарушил те границы, которые приняты и в Москве, и в Минске между взрослыми и детьми. Границу перешли взрослые. С шуточками и прибаутками они подвели детей к тому, что самое главное — другое. И стали со спортивной прытью раздеваться. Нет, не догола (это ведь пока первый виток просвещения!). До нижнего белья. Но зато потом другие актёры принялись рисовать углем на этом белье “самое главное”. Рисовали и спрашивали у юных зрителей, как это называется. Дети сначала оцепенели, потом стали смущённо хихикать, отводить глаза, закрывать руками лицо, пожимать плечами. Наконец одна бойкая девчушка пискнула: “Щелинка!” (Это белорусский вариант.) “Правильно, умница!” — обрадовались артисты и поспешили дополнить... Справедливости ради надо отметить, что, кроме бытовых наименований, детям были сообщены научные: “вагина”, “пенис”, “фаллос”, “половой член”. (Ну да, это просвещение!) Правда, потом, когда речь зашла о самом-самом главном и на вопрос, как это называется, та же самая девчушка пискнула: “Секс!” — ведущий бодро дополнил: “А можно сказать: “Трахаться!” Я, например, всегда говорю так!”

И актёры незамедлительно приступили к демонстрации процесса. Понарошку, конечно. Ведь театр допускает условное действие, к тому же первый виток. Они неловко ложились то крест-накрест, то валетом и всё время просили детей показать, как же нужно. Тут даже храбрая девчушка стушевалась. И тогда актёры ласково, но твёрдо подняли с места совсем уж юную зрительницу лет шести и подвели её к “маме” и “папе”. Дело в том, что абстрактные мужчина и женщина по ходу спектакля очень быстро превратились в маму и папу. И это был особый, может, не для всех очевидный цинизм, потому что наши дети (про “ихних”, просвещённых, судить не берёмся) могут что угодно знать про мужчин и женщин, но, как правило, не переносят свои знания на родителей, автоматически вытесняя это из сознания как неприкосновенную тайну. Рационально такой феномен необъясним. Почему дворовый хулиган, ругающийся матом, напичканный похабными анекдотами, готовый говорить “про это” даже с классной руководительницей, кричит другому хулигану: “Это твоя мать трахается с отцом! А моя не такая!”? И, украшая стены школьного сортира непристойными рисунками, никогда не изображает своих родителей? Вы спросите, откуда мы это знаем? Но ведь дети имеют обыкновение подобные художества подписывать.

“Маша+Коля”, “училка”, “директор”, всякие прозвища... Вот только “маму” и “папу” (или даже “мамку” и “папку”) вы там не найдёте.

Не отсюда ли уверенность стольких подростков, что их 35–40-летние родители уже старые, а следовательно, “не занимаются глупостями”? Механизм образования внутренних табу настолько загадочен и сложен, что, сколько ни рассуждай на эту тему, многое так и останется неясным. Но нам ясно одно: растабуирование сакрального — пусть даже в угоду самой безупречной логике, к которой, собственно, и апеллируют поклонники либерализма, — не может пройти безнаказанно.

Не может — и не проходит. Распространение эбьюза на Западе среди нормальных людей — это, конечно же, следствие “гибели богов”. И, увы, не единственное.

Но вернёмся к спектаклю. Там было ещё много интересного. Например, детям открытым текстом сказали, что онанизмом заниматься очень приятно (“дуже приємно” по-белорусски) и только глупые взрослые могут это запрещать. Тема была освещена достаточно подробно. Актер, изображая мальчика, рассказал (и даже помог себе жестом), как однажды занимался этим на уроке, а плохая учительница помешала. Актриса позаботилась о просвещении женской половины зала и от лица девочки поведала грустную историю о нечуткой маме, которая в аналогичной ситуации не только помешала, но и сказала, что это стыдно. Сей ложный тезис артисты, хохоча и гримасничая, не замедлили опровергнуть, запев под гитару: “Що приємно, то нэ стыдно!” И, разумеется, вовлекли в хоровое пение весь зал.

Основным аргументом главного режиссёра Минского ТЮЗа М.М. Абрамова было то, что такой спектакль сейчас остро необходим. “Ведь должны же мы были что-то противопоставить потоку грязной порнографии, которая льётся на наших детей с экранов телевизоров! Нашей задачей было показать детям, что это можно делать красиво, задорно, весело. Должно же быть нормальное сексуальное просвещение!”

Однако, внимательно следя за реакцией детской аудитории, мы убедились, что как раз цели просвещения-то и не были в ходе спектакля достигнуты. Всё, что говорилось в первом действии (чем мужчина и женщина отличаются друг от друга и что они делают друг с другом), дети уже знали. Содержание же второго действия (устройство внутренних половых органов, физиологические основы оплодотворения, процесс беременности и родов) ещё не находилось, по терминологии психолога Л. Выготского, “в зоне ближайшего развития”, и дети просто ничего не усвоили.

Но зато было усвоено другое: что со взрослыми и с детьми противоположного пола можно (и даже нужно!) говорить “задорно и весело” о стыдном. Более того, стыдное оказывается вовсе не стыдным, ибо “что приятно, то не стыдно”.

И по логике вещей — почему, собственно, поборникам просвещения можно рассуждать логически, а нам нельзя? — родители уже не вправе будут выразить недовольство, если вдохновлённый воскресным утренним спектаклем ночью к ним в спальню ворвётся крошка сын и заявит: “Вы тут трахаетесь, а мне там одному скучно!” Учительница же, увидев на доске похабшину, не посмеет возмутиться, найти виновного и отвести его к директору. А если кому-нибудь на уроке приспичит... как бы это сказать... ну, в общем, заняться “приятным”, то она прямо-таки обязана будет прервать — нет, не темпераментного школяра! — объяснение. И, вспомнив театральный шансон с рефреном “что приятно, то не стыдно”, призвать класс к подражанию. Чтобы не прослыть душой.

Смешно? Не верится? Что ж, давайте снова совершим небольшое путешествие в “параллельное время”, в общество второго витка. Перед нами переведённая на русский язык книга “Игровая терапия: искусство отношений”. Автор — Г. Л. Лэндрет, известный американский психотерапевт. “Позволять ли ребёнку мочиться на пол в игровой комнате — это большой вопрос”, — пишет он. И в качестве личного мнения добавляет: “Не следует разрешать детям пи`сать в бутылочку с соской, а потом пить мочу”.

Вы думаете, что речь идёт о пациентах, страдающих тяжёлой умственной отсталостью?

Ничего подобного! Имеются в виду так называемые “дети с проблемами”: чересчур застенчивые, расторможенные, не умеющие контактировать с людьми и т. п. То есть дошкольники и школьники с разнообразными невротическими признаками. Живут они в семьях, как правило, достаточно обеспеченных, потому что игротерапия, модное сейчас на Западе направление, — удовольствие довольно дорогое, по признанию самого автора книги. Иными словами, это опять-таки не маргинальные семьи, а средний класс.

Что же ещё фигурирует в списке ограничений на занятиях игротерапией, которые, по убеждению авторов этого метода, способствуют установлению нормального контакта между взрослым и ребёнком? В списке целых 54 пункта, но мы приведём лишь несколько. Итак, в игровой комнате запрещается: курить, бить окна, поджигать вещи, писать на доске грязные слова, бить терапевта, брызгать в терапевта водой. (Впрочем, последние два пункта далеко не всегда соблюдаются. Мы в Германии видели девятилетнего мальчика, который на сеансе игротерапии бил терапевта-женщину ногами и не просто брызгал, а окатывал её водой из ведра.) Но продолжим. Нельзя полностью раздеваться, справлять нужду на пол, открыто мастурбировать (втихаря, стало быть, можно; в игровой комнате обычно предусмотрены укромные уголки, чтобы ребенок мог при желании уединиться). Сам по себе ни один из этих пунктов не вызывает возражений. Действительно, нельзя бить окна, поджигать вещи, накладывать кучу на пол. Но, согласитесь, наших детей с непомрачённым рассудком не надо об этом предупреждать. Им просто не придёт в голову, явившись на занятия, вытворять что-то из перечисленного. Такое может быть только в том случае, если барьер между взрослым и ребёнком фактически разрушен.

Нам кажется, что сейчас наступил момент, когда от каждого из нас зависит восстановление или, наоборот, окончательная потеря иммунитета к самым разным социальным болезням, в том числе и к разрушению традиционных культурных норм, уничижительно именуемых “совковой психологией”. И ссылки на государство, занятое совсем другими делами, на бессилие слабого, бесправного человека не могут служить оправданием. В конце концов никто, держа пистолет у виска, не заставляет перенимать западные образцы поведения и воспитания. Как никто не мешал красным от стыда родителям взять своих детей за руку и вывести из Минского ТЮЗа прямо среди весёлого “просветительского” спектакля. Но ни один этого не сделал. Видимо, боясь показаться замшелым и дремучим.

— Что ж, по-вашему, проблемы эбьюза вообще не надо обсуждать? — Воскликнет иной. — Пускай взрослые развращают детей, пускай дети живут с тяжёлой травмой в душе, сломанной психикой, пускай гадкие скоты знают о своей полной безнаказанности, а общество будет трусливо молчать? Вы к чему призываете — к заговору равнодушных?! Хватит! У нас это уже было! Сыты по горло! Обсуждать или не обсуждать запретные раньше темы?

Прекрасно высказался по этому поводу отец Павел Флоренский. Он писал, что есть “внутренние слои жизни... которым надлежит быть сокровенными даже от самого Я. (Не то что от других! — **И. М., Т. Ш.**) Т а к о в п о п р е - и м у щ е с т в у п о л” (разрядка наша).

Впрочем, в последнее время мы всё чаще задумываемся: а так ли уж полезна и для рационального западного общества “тотальная” гласность, публичные обсуждения того, о чём ещё совсем недавно и у них полагалось молчать? Вообще рассуждения по типу “или — или”, “или всё — или ничего” чем дальше, тем больше напоминают наживку, на которую рассчитывают поймать (и до сих пор ловят, хотя и в меньших количествах) простодушных людей. Или все, как по команде, обсуждают эбьюз (а также поочередно проституцию, гомосексуализм, заражение СПИДом и т.д., или опять-таки всё общество об этом “трусливо молчит”.

Конечно же, если в жизни ребёнка произошла такая трагедия, как совращение взрослым, то надо сделать всё, чтобы смягчить последствия этой ужасной травмы. Но почему все дети должны быть вовлечены в эту орбиту? Зачем им получать далеко не безобидные знания о том, что их, слава Богу, не коснулось? Почему не учитываются негативные по-

следствия такого всеобуча? Мы задали этот вопрос немецкому специалисту, делавшему доклад на соответствующую тему. Но сперва решили кое-что уточнить.

— Вот уже несколько лет, — сказали мы, — в Германии ведётся широкая просветительская работа по проблемам сексуального надругательства над детьми. Можете ли вы утверждать, что в результате такой работы эбьюзов стало меньше?

Ответ был отрицательным. Нет, напротив, всё больше и больше.

— А не опасаетесь ли вы, — задали мы свой основной вопрос, — что широкое обсуждение этой темы может привести к совершенно незапланированным последствиям? Например, породить неловкость и страхи в отношениях детей и родителей? Вызвать нездоровое любопытство и фиксацию на той теме, которая многим людям и в голову бы не пришла? Допустим, девятилетняя девочка, посмотрев спектакль “Секрет”, приходит домой, и отчим, у которого и в мыслях нет ничего такого, привычно целует её в щеку, сажает на колени. А у девочки, которая до сих пор воспринимала это как нормальную родительскую ласку, немедленно возникают в голове сцены из спектакля. Там-то всё началось именно с этого!

Докладчик задумался, а потом сказал дословно следующее:

— Да, конечно, такое тоже может иметь место, но положительные результаты должны перевесить отрицательные.

Должны — и никаких гвоздей! Почти по Маяковскому.

И всё же позволим себе поставить под сомнение истинность этого императива. Мы думаем, что при широком обсуждении традиционно запретных тем в общественном сознании происходят очень серьёзные сдвиги. Процесс этот длительный, поэтапный.

Когда маргинальные феномены активно проникают в общественное сознание, происходит очень интересная вещь: они перестают быть маргинальными, т.е. окраинными, и смещаются ближе к центру. А если активно муссируется идея об их распространённости, они, стало быть, захватывают всё большие территории. И постепенно люди начинают считать, что порок повсюду. Не в отдельных (непросвещённых или, наоборот, слишком просвещённых, божественных) слоях общества, а именно везде и повсюду. В самых обычных семьях, у самых обыкновенных людей. (Помните, как в песне “Путана” нам активно внушалась мысль, что девочки из вполне приличных семей страстно мечтают стать проститутками? Приводились ошеломляющие цифры опросов.)

Но всё это еще полбеда. Самое страшное начинается тогда, когда постепенно стирается, размывается представление о норме. Конечно, в наш либеральный век нелегко провести такую уж чёткую границу между нормой и патологией, между пороком и добродетелью. Процессы диффузии, знакомые нам ещё со школьной скамьи, вполне переносимы и на сферу морали. Но говорить, что границ вовсе не существует, что у каждого своя мораль, что и норма-то — понятие весьма спорное и относительное (“Покажите мне, где она, ваша норма?” — характерная полемическая реплика) — это, может быть, очень демократично, но и очень безответственно, ибо взрывоопасно. Всё равно что курить у бензоколонки. Сознание пока ещё не может с этим примириться, но уже делает шаг навстречу. За инцест, который во все времена считался одним из самых страшных преступлений, виновному сегодня вовсе не обязательно полагается уголовная кара.

Помните, что сделал царь Эдип, когда узнал, что невольно вступил в кровосмесительный союз с собственной матерью? Он отказался от престола, бежал из Фив и, не дожидаясь кары богов, покарал себя сам — выколол себе глаза. Но это, как принято теперь говорить, его проблемы. А что сейчас?

Перед героиней романа Вудса “Под озером”, явно претендующего на незаурядный психологизм, в аналогичной ситуации встают похожие проблемы. Журналистка Скотти Макдональд ведёт независимое расследование, в результате которого выясняется, что главный преступник — это местный шериф. У Скотти — а она девушка горячая — возникает с ним мимолётная сексуальная близость. Что, впрочем, нисколько не вредит незави-

симости следовательской и журналистской работы. Кульминационная точка в развитии сюжета — Скотти узнаёт, что шериф на самом деле её родной отец. Журналистка потрясена. Но что больше всего волнует современную мисс Эдип? Что вызвало самые сильные эмоции, бурный поток слов? “Проблема инцеста”? Ну, в общем, нельзя сказать, что она осталась совсем незамеченной.

— Честное слово, мне очень жаль, Скотти, — сказал Бо, — но я просто не знал... (Имеется в виду: не знал, что она его дочь. — **И.М., Т.Ш.**)

— Я верю, Бо, — кивнула Скотти, — и постараюсь взять себя в руки.

Из прелестных глаз дочери выкатывается несколько слезинок, но уже через пару минут эти вполне зрячие глаза по-прежнему бодро и оптимистично смотрят на мир. Никаких эдиповых комплексов!

Гораздо больше Скотти волнует другое. Тут находятся и слова отчаяния, и восклицательные знаки. Это проблема профессионализма, а она, в свою очередь, предусматривает журналистскую объективность.

— Журналист обязан быть объективным и отстранённо воспринимать события! (Имеется в виду, что дочерние чувства могут ей помешать — всё таки родная кровинка! — написать правду о преступной деятельности шерифа. Забегая вперед, скажем, что не помешали. — **И. М., Т. Ш.**) А я по уши завязла в этом дерьме! Я попала в западню собственной истории! Какой редактор этому поверит? Разве читатели поверят мне? — Скотти всхлипнула.

— Вы еще пожалейте, что дыбу отменили! — возмутится наш оппонент. — Слава Богу, что сейчас и человек, и общество в целом стали легче ко всему относиться. А вы всё варварство оплакиваете! Смягчение нравов свидетельствует как раз о развитии культуры. В том числе и сексуальной.

Что ж, вопрос интересный. Даже отчасти философский. И спорный. В каких-то случаях смягчение нравов — это свидетельство развития культуры, а в каких-то — совсем наоборот. Вот что говорит крупнейший западный этнолог и культуролог XX столетия Клод Леви-Стросс, изучивший множество самых разных, в том числе и архаических культур: “Запрещение инцеста — п е р в о э л е м е н т (разрядка наша), на котором строятся все без исключения культуры, до сих пор существовавшие на земле, включая самые примитивные”.

Нет, западное общество пока не отменило запрет на инцест. Напротив, принимается много конкретных мер, создаются специальные службы, пишутся инструкции, снимаются фильмы, ставятся спектакли... Но их создатели (и, конечно, потребители) попадают в ловушку. Вот уж где на редкость уместно вспомнить, чем вымощена дорога в ад! Широкое приобщение всех от мала до велика к обсуждению строго табуированных тем — это отнюдь не безобидные игры с коллективным бессознательным. (Термин крупнейшего швейцарского психоаналитика К.Г. Юнга, означающий архаические пласты человеческой психики.)

“Не будите спящую собаку”, — предупреждает английская пословица. Русская звучит ещё более определённее: “Не буди лиха, пока лихо спит”. Впускать в сознание, уплощать и рационализировать запредельное, преступное — значит (если уж мы обратились к фольклорным примерам) уподобляться зайцу из сказки про ледяную и лубяную избушку. Как известно, лиса, которую заяц по наивности впустил в свой домик, в конце концов вытеснила хозяина. Не с первого, правда, захода, а с третьего, поэтапно. Но выжила.

Коллективное бессознательное в чём-то очень напоминает сказочную лису. Заяц, гостеприимно распахнув двери перед лисой, был уверен, что она немного по-живёт на положении гостя, а потом, вежливо поблагодарив за постой, уберётся восвояси.

Так и коллективное бессознательное. Пока оно в своей “лисьей норе”, на дне души — всё в порядке. И даже когда оно время от времени совершает тайные ночные вылазки — ещё тоже ничего. Ошибка зайца заключалась в том, что он пустил лису на порог. С этого момента он перестал быть хозяином в своём доме. Так и человек. Впустив коллективное бессознательное на территорию сознания, он должен быть готов к тому, что рано или

поздно (скорее рано, чем поздно) гость, нарушая все правила этикета, поведёт себя как распоясавшийся оккупант. И сознание вынуждено будет потесниться, съёжиться. В конце концов оно окажется загнанным на периферию. А что, если именно в этом кроется истинная разгадка распространения эбьюза — сдвига, который всё-таки, сколько ни объясняй, сколько ни выстраивай причинно-следственные связи, остаётся уму непостижимым кошмаром?

Можно привести и другую аналогию. Не из сказки, а из жизни. Обычно человек ходит, не задумываясь о последовательности действий, автоматически. Ум его в это время свободен как для мыслей о хлебе насущном, так и для поэтического вдохновения. Но если из подошвы вылез гвоздь и впился в ступню, тут же появляется “гвоздь в голове”: как поставить ногу, как переместить центр тяжести, чтобы не наступить на больное место. Эти мысли становятся доминирующими.

Когда табу, составляющее первооснову любой культуры, как бы рассекречено, выведено из сферы коллективного бессознательного в сознание, человек уже отделён от другого человека, в том числе и от самого близкого, стенкой подозрительности, настороженности. Друг тебя обнял за плечи. А не голубой ли он? Гость, войдя в дом, поцеловал ребёнка. Может, он педофил? Отец переносит на кровать заснувшую в кресле у телевизора десятилетнюю дочь. А у матери невольно мелькает мысль: не испытывает ли он в этот момент вождения к девочке? И что самое обидное: у большинства в ноге “гвоздя” нет, а в голове уже засел.

Кто-то скажет, что все эти “марсианские хроники” для нас совершенно не актуальны. Если бы так... Но в последнее время мы всё чаще слышим от родителей подобные тексты: “Мой сын так любит возиться с мальчишками! Борется, катается по полу. Скажите, у него нет скрытых гомосексуальных наклонностей?” (Иногда говорят “гомосексуалистических” — вероятно, по аналогии с социалистическими.) И это те самые родители, которые непритворно ужасаются, когда слышат о западной “проблеме номер один”. Но ведь они точно так же ужасались и не верили, слыша, что в некоторых странах разрешены однополые браки. И это было совсем недавно.

“Проблема” у порога. И от того, откроет ли наше общество двери избытки-сознания или всё же удержится от такого небезопасного гостеприимства, зависит... А впрочем, чтобы избежать обвинений в излишней патетике, лучше процитируем несколько строк из книги Ксении Касьяновой “О русском национальном характере”: “Репрессивные культуры очень сильно сопротивляются всякому изменению. Когда же наконец происходит сдвиг сознания, он касается ни много ни мало абсолютных точек отсчёта. Тогда культурные скрепы распадаются вообще, изменение приобретает неконтролируемый, страшно разрушительный характер”.

Особенно это актуально, если вспомнить, что сегодня на роль хозяев жизни, а следовательно, законодателей этических норм, претендуют люди, обладающие немерянными деньгами. А многим “новым русским” размышлять, раздумывать, мягко говоря, недосуг. Им трудно будет осознать, осмыслить содеянное. И кто с ними вступит в борьбу? Общественное мнение? Или мощные социальные институты? Или, как выразился Гоголь, “неподкупные головы Фемиды”?

Если же учесть русскую масштабность, страсть к размаху, то можете не сомневаться: отечественный эбьюз затмит свой западный прототип. А вот с правовым государством выйдет, как всегда, заминка. В общем, будут и “временные трудности”, и “всё не так однозначно”...